

Красавец и Чудовище

Бина Богачева

Предисловие.

Сказка для взрослых. Как и любая сказка о добре – злопучительная и часто бесполезная. Злобным девицам нечто вроде переменки – лясы поточить и только добрым урок, что каждый Красавец рано или поздно встретит свое Чудовище. Если размышлять об этом философски, то рано или поздно приходит понимание, что «где» утрачивает актуальность и становится неважным. Если Красавец не дурак, что большая редкость для такого совпадения, то постепенно он переберет весь список вовне и вернется к себе.

Вообразите, как тонко мог бы быть передан этот стон, зовущийся у нас модным шлягером, беспримерным Ильей Репиным в виде бурлацкого гламура на Волге. Для этого надо только загнать минимум дюжину дев в бикини в Ширяев буерак¹ и заставить толкать в море шикарную яхту за полквартиры пива.

Итак, скоро сказка задарма рассказывается, да нескоро дело делается. В некотором царстве, в некотором государстве, сразу после победы той партии, которая и должна была победить на выборах, а результатам никто не сопротивлялся, жила была одна обеспеченная вдова, уверенная в себе, вполне удовлетворенная жизнью и не ищущая сострадания. Злые языки, как это обычно бывает, судачили, что в результате кратковременного демографического взрыва муж ее был заброшен в другую семью и там от счастья помер, но как оно было на самом деле - неизвестно.

Овдовев, и чуть ли по миру не пойдя, невезучая вдова приняла решение начать крутиться и довольно быстро умудрилась нажить первый капитал. Не на продаже недвижимости, не на криминальном рынке, не на биржевом торге и авантюрах, не вращаясь в присутственных местах и не на ... (к слову внешние и внутренние данные ее

можно приблизить к относительному сходству с Эми Вайнхауз, минус голос, минус осиное гнездо, минус разврат и опиат). Женщина-кентавр наоборот. Нажила она свой капитал на самой примитивной торговле разными изделиями последней необходимости, которыми торговала сначала на обыкновенном базаре, потом в ТК, затем в Молле, а там уж придумала свою марку одежды и стала выезжать на биеннале в Венецию со всеми своими достижениями и манекенщиками. Начиная с «все по десять» и постепенно, вникая в суть делового этикета, психологию, *фэнхуй*, йогу, вдова выбилась в местную бизнес-элиту. Много у нее через это было всякого богатства: дорогих заморских товаров в избе, как в песне «не счесть алмазов в каменных пещерах» и персональных нарядов от по-настоящему модных домов, опережающих местную отсталую моду минимум на четыре сезона; жемчуг бурмицкий, за которым она сама ныряла в Японии, Сингапуре, Гонконге; драгоценных камней великое множество, немереное количество золотой и серебряной казны, а уж электронных безналичных – без пересчета нулей. И на закуску три сына красавца, писанные модным столичным художником в дорогих барбарисовых халатах на заре, три бомжа² и разновозрастных киберпанка. Любила она их какой-то умопомрачительной любовью, с примесью ненависти, всегда баловала, а уж больше всех младшенького, самого нервного, ласкового, с престранными фантазиями в области флордизайна после последнего нервного срыва.

Вот однажды собралась, было, вдова в очередной *glamping*³ по местам литературных героев и известных боевых сражений, но в тусовке ей покрутили пальцем у виска, убедили, что она не в себе и подвигли на очередной шоп-тур. Опять, значит, паломничество за шубами и дубляжом, но уже из искусственного меха, который после Недели высокой моды в Париже и Лондоне вновь перекроили на людей.

Перепугав постоянных клиентов заявлениями, вдова, начитавшись протестов Стеллы Маккартни, возбужденная Лореном, Кляйном и рыжей кошкой Вивьен Вествуд решила живьем демонический мех, ставший по заверениям специалистов спецурой французских пенсионеров и русских антик-эротик, ни в жизнь больше не брать, а закупиться к зиме синтетическим нитроном.

-Это будет бомба, - обещали ей предсказатели моды.

Вдова шагнула дальше затейников моды - для пущего разносолу сделала себе наращивание в интимных и публичных зонах из качественного мехозаменителя, пропагандируя жалость к животным. Знакомая порекомендовала ей взять с собой персонального шоппера, умеющего отличать «фу-натуральный мех» от «ах-ненатурального», под который теперь сто процентов все будут подделывать черный бриллиант и шиншиллу.

Так она бы и поступила: наняла, снарядилась и отплыла. Но тут сыновья встrepенулись, прознав, что литературные герои уступили вновь место здравому смыслу в голове мамы и вцепились бультерьерами, хлопоча о подарках. Три дня и три ночи ломали они голову кому что привезти. Всем ведь уже все надоело. Разнервничались еще до прихода семейного психотерапевта, который придя, мудро посоветовал развлечься чем-нибудь другим.

Перед самым отъездом мать пришла спросить о надуманном:

-Ну, ты старший сын, ляг, не стой, говори, - обратилась к нему купчиха. - Только роботов больше не проси!

-Не вези ты мне, мамка, ни футболок с рукавом, ни венцов золотых с самоцветами на пальцы, а привези мне, наконец-то, самый злой-презлой blu-ray плеер и такой телик, чтоб бил от экрана свет, как от месяца полного и чтоб было от него светло в темную ночь, пардон, во всем доме, как среди белого дня и чтобы, смотрясь в него, я не старился и красота б моя юношеская прибавлялась.

Мать обомлела и говорит: «Уж задал ты мне задачку, милый, пригожий! Чистейшее самоубийство. У кого же есть такой телик?».

-А вот, - говорит старший сын, - мы тебя за язык не тянули. Для твоей казны супротивного, сама хвалилась, нет. Убейся, а сыщи! Мне эта волокита с DVD поперек горла уже, весь дом ими завален.

-Знаю я за морем одного человека, который скупает на корню все последние достижения цивилизации. Хранятся они у него до поры до времени в апартаментах, во встроенном шкафу глубиной на три сажени, за тремя дверьми железными, за тремя замками электронными.

«Нелегко мне придется, но что делать, сынов то у меня не триста, а три, расшибу лоб» - подумала она.

- Валяй, средний любимый сын, свое супостатское пожелание, - пригрозила она, шутя, пальцем. - Чай, нарыскал и ты в своем Интернете распоследних чудес.

Лег на диван средний сын и молвит ей, позевывая:

-Вот что, Государыня-мамка, не вези ты мне боле ни бобочек с рукавом, ни гаек с самоцветами, ни тувалетов из хрусталу беспорочного. Тошнит ужо. Устал я глядеться в тувалет своей небесной красотой по утрам после караоке в «Джельсамино». Ну, его.

Мать искусственные, союзные брови подняла от удивления. А он ухмыльнулся и продолжает:

-Вези мне ... вези мне... Вертушку новую не хочу... буки не так давно апгрейднулись не хочу, цацки надоели, побрякло не надо... О! Наручный аппарат по фиксации временного континуума. Прежние пять уже в хрустальном тувалете отразились и утопли. Признаюсь, хотел я тебе вкатить Петю ⁴ круглого такого в корпусе с откидной крышкой под орлом, стоящим на трибуне, но есть еще во мне сыновья жалость. Вези мне, так и быть, Constantin Vacheron, как у Берлускони.

Мать покрылась испариной и, взявшись за сердце, чуть не рухнула на пол.

-Это же почти полмиллиона евро...

«Однако, у детей к тридцати запросы!».

-Да шутка. Выдыхай. Давай уже, ладно, эти единообразные, что в первый раз называл, но в обычном золотом корпусе. Белое-то тебе не потянуть сейчас.

-Так ведь выборы и все такое...

-Для моей казны супротивного нет, - едко копируя интонацию, передразнил ее средний сын. - Парагвай! - и как топнет ногой.

-Вези с индикатором лунных фаз и счетчиками годового и вечного календаря! И чтоб на правую руку, слышь, лезли! Головку пусть переставят. У тебя тут прислуги нет заводить с тыльной стороны. А не переставят, вези ихних Левшей сюда. И завод у них там может быть

тугой, и поцарапаются ежи. В общем пусть человек с часами едет, если руки в одном месте относительно головки. А! И чуть не позабыл ведь! И чтоб смотрясь в них, я, само собой, не старился. Мне старше старшего брата быть не годиться. И в качестве бонуса с тебя козырная шуба. Я тут нынче зимую.

-Конец звезде тупейного художника, - обратился он к старшему брату. – Как считаешь? У него ведь фамилия натуральная. Немодно. Менять придется на имитатор.

- Сергей Плюшев?

-Точно! Ва-ля, маман, я кончил с заказом, отваливайте.

-Ох, загрузил, загрузил... Но так и быть, выполню и твой заскок, - пообещала мать.- Теперь давай ты, малой. Говори, чего выдумал в этот раз за причуду.

-Сейчас этот дауншифтер⁵ что-нибудь из декаданса опять ввернет, - шепнул среднему старший. – Не могу слушать этот сленг! – И пальцами сжал себе виски.

-Не вези мне, матушка родимая, ничего, - взял он ее участливо за руку и глаза опустил. – И так ведь устаешь.

-Что за дичь? Нет уж, пожелай, любезный, чего-нибудь, - настаивала мать. -Тогда привези мне... -Скажи еще Чудище, как в том КВНе, - загоготали, трясая бородой и усами братья.

-Нет, просто маленький цветочек, чтоб краше не было бы на всем белом свете.

Пожалуй, розовую радиолу, но только кармазинную⁶. И все.

-Да она таких слов-то не знает! Короче, мать, чтоб подсолнух для дебила был аортовый и super-super-super.

Призадумалась вдова крепче прежнего, руками всплеснула.

-Да где ж я ее возьму, аортовую радиолу? Она же желтая по своей природе.

-А не надо ровняться на природу, это вчерашний день! – Возразил средний сын. -Такой сорт год надо выводить на заказ! Ну и задал ты мне работу, почище своих старших братьев. Те хоть конкретное что-то всегда просят, у тебя же черт знает что за химеры. Глаза на лоб лезут.

Разошлись братья по хоромам в тереме. Вдова полистала лениво модный журнальчик: «Николай Гугль. Модный литературный бизнес: «Вий. Мальчик с обложки», «Как переспать с ревизором», «Записки сумасшедшего и о-очень богатого», «Разнообразь секс. Вечера на хуторе», «Гей-повесть о том из-за чего поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» и начала потихоньку собираться в дальний заморский путь: звонок шопперу, звонок байеру, ванна, кофе, получила на руки билеты, et cetera. Наконец, вылетела в заданном повторно направлении.

Осуществив все свои деловые покупки изделий из синтетических животных втридешева, сторговав свое добро втридорога за какой-то неизвестный нам срок, вдова загруженная отправкой карго и idée fix от чад приобрела первый гостинец - 103-дюймовый ТВ Panasonic, от которого, как и просили «светло в темную ночь, как в белый день и, смотрясь, омолаживаешься», с пультом управления, приведшим ее в недоумением количеством кнопок, равным управлению пилотируемым комплексом Байконур. Нашла она подарок и для среднего сына, часы Patek Philippe в золотом корпусе и даже сторговалась, чтобы головку переставили за свой счет. А вот для младшего никак не может

найти заветного алого цветка. Была она и в садах царских, и в королевских, и в султановых, перевидала редких растений великое множество наипрекраснейших, просто super, но зуб ей дать, что это super-super-super никто не решался.

Двигаясь безнадежно в сторону Долины Лауры, славящейся своими старинными и роскошными замками - noblesse oblige, что в тридцати минутах от Парижа, вдова желала у местных садовников напоследок поинтересоваться насчет цветка. Байер с шоппером от таких прогулок открестились, ссылаясь на насморк и боли в ногах, убитые работой и ненужным сопровождением в Собор Парижской Богоматери по случаю бесплатной экскурсии. Та же засада постигла их с органом в церкви Сент Эсташ и забегами по Шато де Версаль. Вдова утомила неумным любопытством и фотографированием, ноги у сопровождающих сбились в кровь по колено. Соотечественница оказалась дико скупой, материлась, что бесплатное воскресение, оказывается, не распространилось на могилу Наполеона, а только на дворец Инвалидов. Она пришла в бешенство и частично ей удалось доказать всем, кто тут на самом деле инвалид.

Отпустив плачущих помощников, вдова тихо шагала по тропке, как вдруг на нее напали откуда ни возьмись то ли арабские то ли индийские бусурмане с воплем и ножом к горлу: «La bourse ou la vie⁷». Только она подумала, что ее хотят, наконец-то, изнасиловать, как все завизжали и врассыпную бросились в дремучий, непроходимый лес.

«Пусть лучше меня растерзают звери лютые, чем всякие грязные наркоманы» - подумала она. И бежала, шла, плелась, читая речитативом откуда-то всплывшее «Леса лысы, леса обезлисили, леса обезлосили...». Заплутала она так, что не выбраться, пни и сор, деревья страшно и беспорядочно повалены, куда не сунется – везде черный беспросветный мрак, буераки, погибель. И тут где-то слегка забрезжило легкими огненными всполохами, замелькало вдали, замигало, запрыгало в груди огоньком надежды. Так, должно быть, Падчерица чувствовала радостное спасительное предчувствие от далекого огня, пробираясь по зимнему лесу. Время года, география, возраст и статус в данном случае как раз ни при чем. В диком лесу и в бане, мы все одинаковы. По мере приближения, свет от огня становился ярче и превращался в некое зарево, предвещающего локальный пожар. Вдова прочла все позабытые молитвы и смиренно, отдаваясь покорно неминуемому року, страшной, окружившей и оглушающей ее тишине, шла на свет. Не мечтая о спасении, позабыв все на свете, она клялась Ангелу Хранителю задуматься о своем будущем, если оно состоится и начать изменение мира прежде всего с самой себя, о чем она прочла однажды в журнале, обрывком листка которого, сложенного в несколько раз, поддерживалась у нее дома ножка антикварного перекошенного от влаги стола.

И вот перед ней открылась небольшая панорама неожиданно ухоженной в диком лесу муравчатой поляны, которую по краям окаймлял совершенно домашний, окультуренный лес, с живописными пригорками, чистыми и звонкими ручьями, фонтанными каскадами, перголами⁸, карликовыми и висячими садами. И ровно посреди той поляны пылает солнечным огнем, так что больно взглянуть, великолепный замок с портиком и мезонином, увитый диковинными растениями и из сказочного замка льется ей прямо в уши из распахнутых окон восхитительного исполнения неразличимая музыка Мартина, Шуберта, Шопена, Штрауса и Листа. И вдова невольно, расчувствовавшись и

радуясь спасению, прослезилась. На какой-то момент ей показалось, что слышит она оркестр Темирканова на гастролях. Поднялась бедная уставшая купчиха по широкой мраморной лестнице с балюстрадами наверх, устланной дорогими коврами, прошла игегд по богато и со вкусом убранном зале. Везде роскошь, старина, зеркальная чистота и свежесть, столы накрыты яствами и дорогими винами, свечи зажжены и ни хозяйина, ни прислуги не видать. А уж у нее слюна течет, как у борзой, упустившей зайца.

Что делать, мобильного она лишилась вместе с наличными, свои клоуны распущены, цирка тут никакого нет, села она за стол и для начала опорожнила бутылочку Dom Perignon по старой привычке, да отужинала под способствующую достойному пищеварению музыку. Потом нашла SPA, полежала в термальных ваннах. Вокруг по-прежнему никого и заскучала. Вдова уже и забыла, что недавно чуть не умерла и захотелось ей чего-нибудь эдакого - бал под музыку Штольца, вальс из цветов, Чайковского и мужчин. Вдова внимательно рассмотрела себя в зеркало и пришла к выводу, что чертов диспорт и хайлайт опять стремительно рассасываются, вновь возвращая усталость, сухость и помятость.

В это время в спальню вошел, играя мускулами, красивый молодой мулат в набедренной повязке, поклонился, признался в горячей любви и попросил сделать с ним все, что ей угодно. Вдова вздрогнула и ожила.

После того, как за мулатом бесшумно захлопнулась дверь, вдова, валясь с ног, решила пройтись и присмотреться к матценностям уже с несколько иной мыслью: "Чье же это добро? Не мое ли?" и «Хорошо бы теперь соснуть да всхрапнуть». Обойдя все великолепие, вернулась в спальню с резными кроватями из чистого золота, да на хрустальных ногах с диковинной по размерам периной. «А ну-ка теперь опробую, что тут за пух» - подумала она, влезла на кровать, почувствовала податливую, ласковую перину, накрылась камкой⁹ и только вспомнила: "Как там дети интересно, не голодные?" – как впала в забытие и мертвецким сном проспала двое суток, храпя, громче, чем портовый грузчик в Ницце.

Проснулась вдова от яркого солнца, бившего ей в правый глаз и дикого пения птиц. Чуть понежившись, сообразила где она и стала припоминать, что ей снилось. Двое старших веселятся то в клубе, то на модных показах, развратничают будьте нате, а младший, как аскет, сидит дома, цветы поливает, классиков почитывает, которых еще со школьной поры не вернули в районную библиотеку. «Вот ведь как! - Подумала мать. - Приснится же такое! Порнобелоснежка... У старших глупых сыновей невесты умные и богатые, а меньшей красавец, умница сидит матушку дожидается». И тут она заметила, что кто-то из румсервиса ей уже и одежду простирнул и насчет завтрака подсуетился - на подносе дымит, как паровоз кофе. Позавтракала наша вдова и стала снова осматриваться. Тут показалось ей со сна, да поевши, что кругом все еще лучше вчерашнего стало. Дорогие гобелены на мебели перебиты, ковры перестелены, новые портьеры на всех окнах. По

комнатам скачут салюки¹⁰, в креслах разлеглись большие даны¹¹, вместо декоративных подушек - мальтезы¹², от птиц в клетках невиданной красоты - глаза разбегаются.

Вышла она в сады гулять и вдруг видит на пригорке, под автополивом нагло себе цветет искомый цветок аортовой радиолы. Подивилась она, подошла и, не думая, сорвала для сыновнего гербария. «По-моему это и есть super-super-super. Алый. Яркий. Что ж еще, дураку, надо?». В ту же секунды прогремел гром, блеснула молния, налетел сильный ветер и она поспешила в замок укрыться от грозы. А, придя в спальню, поставила цветок в графин с остатками шампанского.

-Убирать у вас? Довольны ли вы качеством обслуживания? - вдруг услышала она чей-то неприятный, сдавленный русский говор за дверью.

«Должно быть хаускипинг. Достали уже».

-Да так, - проямлила она невыразительно и капризно.

-Да так? – переспросил удивленно голос. Но больше ничего не сказал.

-Что это еще за фигня мне тут! Да, сервис посредственный, ничего особенного, даже дрянной. Не Шато-де-Баньоль! Не вижу эксклюзива. Где физзащита, где личка? На меня в частном лесу вашем уроды нападают! За все время, сколько я тут ни одна сволочь не поинтересовалась, чего мне по-настоящему хочется.

В это время открылась дверь и вошла косоглазая безобразно сухопарая особь, как после Заксенхаузен¹³ и то ли стала, то ли стал приветливо греметь ведрами, наполняя купель для омовений. Вдова без очков не разобрала гендер, поняла только, что та или тот на жесточайшем тюнинге и не то, что бы в преклонном, а скорее в нагнувшемся возрасте. Вдова фыркнула и решила выйти, сообразив, что она в шикарном отеле и вчера, видимо так набралась, что ей уже причудилась и погоня и... все остальное. И вдруг это старое, страшное нечто с бровями растущими под носом неопределенного пола как закричит: "Какого этого черта?! Что такое? Bitch! Сорвала в моем саду мой заповедный, любимый цветок! – Особь показывала грязным жеваным пальцем, трясясь, на радиолу. - Мою невинную причуду, плод хобби и стараний поколений Мичуриных! И это за мое гостеприимство, за то, что я все самое лучшее, с душой, с подношениями? Messy bisness! Farter! Tedious job! И повара ей из Фукетс заказала, и вина самые лучшие шампанские и мозельские привезла и cunt-chaser¹⁴ в услужении. Мало! Русским еще и украсть как всегда что-то надо на память! Приняли, как дорогих гостей, поили, кормили от пуза, ублажали. Все, чтобы услышать родную речь... Скоты!

-Ты чего орешь на меня? – Спросила вдова. – Голос бы сперва у кузнеца подковала. Подавись своим цветком! – Она швырнула его визави в лицо. - Что ты за чучело? Женщина, мужчина, гей? Как ты дошел до такой жизни, Данило? Хотя не отвечай, мне начхать. Лучше скажи, где мои гадкие людишки и я поехала отсюда.

-Свершилось предсказание, sexually promiscuous woman¹⁵! – Завопило нечто, превращаясь в своей злобе в омерзительное чудовище. - Никуда ты отсюда теперь не поедешь, а останешься у меня в одалисках и поломойках. Не надо было быть smart ass¹⁶, дорогая! Все тебе мало. Ты и замок мой уже удумала к рукам прибрать, но твоя алчность тебя подвела. Suck my prick, - сунуло чудовище вдове дулю под нос. - Сидеть теперь тебе тут

и мыть полы!

И со всех сторон повылезали такие же чудовища и стали повторять: «Сидеть теперь тебе тут и мыть полы!». И потащили ее куда-то под белые рученьки, гогоча. Испугалась вдова, упала на колени, по полу телом волочится, взмолилась о пощаде и стала предлагать на выбор главному чудовищу троих своих молодых сыновей вместо себя старой и неинтересной. Чудище хмыкнуло и попросило рассказать кто же они таковы в подробностях, выгнув брежневскую бровь.

«Да это все из-за них я сюда и попала. А главное из-за этого цветка, - показала она на графин. – Младший заупрямился. Осел ослом, привези, да привези, ну я и уступила.

¹⁷
Ballshitter !

Чудище захохотало, притопывая сухой гнилой ногой.

Видя, что оно довольно шуткой, вдова поднялась с колен и ободряюще похлопала его по плечу, еще раз обозвав всех сыновей грязным ругательством. Чудище покатило со смеху.

-Если бы не младший, папашино отродье, не так бы я себя вела, не напилась бы, не бесчинствовала и не... сорвала бы цветка, - поправляя платье, уверяла она. - Ладно, посмеялись и будя. Давай, говори, Чмо распрекрасное, сколько тебе надо заплатить за этот шивый гербарий. Все равно он сорван уже и я отъеду. Душно у вас к полудню, я вся потная уже насквозь, горю. Сто тысяч евро за чахлую красную несуразицу и мы расстаемся как старые добрые друзья. И уэлкам то Москау!

-Мадам, вы меня не так поняли, - оскалилось в злой улыбке чудовище. – Я цветами не торгую. Пройдите в номера и приступайте к своим профобязанностям. У нас сегодня к ночи заселение богатых русских господ из Англии. Примите по описи инвентарь. Разговор окончен.

-Хорошо! Пятьсот тыщ за неизвестно что! И... только из уважения к вашему хобби и... к вам лично! – Сделала реверанс вдова. – И, отвернувшись, послала его ко всем чертям.

-Дайте ей швабру и воды!

-Восемьсот тыщ! -

Прекратите базар...

-Миллион, - заламывая руки, простонала вдова.

-Дама, забыли вам сказать: дополнительно вы будете моим собакогулятором. У меня их две дюжины. Вот совок и метелочка. Говнобаки отмечены соответствующим символом.

-Два миллиона, брат! Отпустите! Это чу... чужестранно. Чужая страна, чужие нравы, я не приживусь. Я чешусь от собак, у меня... у меня астма!

¹⁸
-Chear whore , - сухо заключило чудовище. – Неужели ты думаешь я нуждаюсь? Нет тебе от меня никакой милости, мой полы, а потом разорвут тебя мои слуги верные на куски.

- Вы звери, господа! - Вдова зарыдала, как не рыдала на похоронах мужа. -Почему младшего сына не хочешь взять? – снова спросила она.

-А зачем он мне? Такой ли он стоящий? Зануда.

-Тебе понравится. Красивый, ласковый, умный. Будет в перерывах тебе стихи наизусть читать на табуретке при гостях за аплодисменты.

-А не смущает тебя мой пол, моя внешность? – поинтересовалось чудище. В секс-рабство ведь возьму!

-Да чего там пол... По мне так в самый раз целое!

-Хорошо, - собирай пожитки, вылетаешь через час с четвертью. А сына мы из аэропорта прихватим. Вот тебе твой мобильный назад, вызывай пусть встречает.

-Цветок дай для заманухи, - перестраховалась вдова.

-Не беспокойся. И цветок, и компенсацию еще получишь. И молодой аксессуар с тобой поедет для ублажений в постоянное пользование. Но есть одна задачка. Мне внухи не нужны.

-Да он в порядке, - обмахнулась как от назойливой мухи вдова.

-Я в том смысле, что как хочешь, но ехать сюда он сам должен захотеть. Мне нужны горящие глаза, а не понурость с отстриженным чувством собственного достоинства.

-Приедет! Что я не мать ему что ли? Скажу - на коленях приползут все трое. Я что ли не знаю что такое благотворительность?

-Сроку тебе даю три часа там на месте. А коли не уговоришь, сама вернешься. У меня Интерпол схвачен, сопротивление будет обратно пропорционально моим симпатиям. Вот для него кольцо, чтобы я его потом опознать смог. Цветок не забудь.

В условленный час отправились все трое сыновей встречать мать в аэропорту, заподозрив неладное. Вышла она, шатаясь с графином и недопитой бутылкой Куантро, сразу засуетилась, расплакалась. Жалко ей вдруг стало с сыном младшим навсегда расставаться.

-Треп – дело наживное, - разняли рыдающую мать с младшим братом сыновья, - про горе твое опосля расскажешь, где обещанные гостинцы?

-Все привезла, - отрапортовала вдова. - Ну и злой же цветок ты мне зарядил привезти, сынок! - Надобно срочно еще по коньяку усугубить. Все, прощайтесь с братом, пригласил его в Парижский замок местный миллиардер проконсультировать насчет ландшафтного дизайна.

Расселись, взяли разнообразных закусок, не скупясь в Аркаше ¹⁹ при аэропорте, и мать поведала о своем невсебосе, как о веселом и привлекательном походе, о дорогом приеме в стиле «пати на хати», о доброй хозяйке, старшей сестре Энн Хатауэй, которая хочет облагодетельствовать одного из ее чад. После чего велено было младшему сыну собираться в чем есть и отправляться вместо матери в обратный путь.

- Партия, сынок – Реал Мадрид! Мать плохого не посоветует. Будет она тебя любить, как Крестный отец, если окажется мужчиной или как Крестная мать, если – женщиной, - я не разобралась до конца. Поезжай, не будь дураком. Такого шанса, когда еще дождешься. Ну и что, что пол мутный, это в семейной жизни, давно известно, не главное. Деньги к деньгам. И никаких тут Чернышевских с Герценом, - пригрозила она надвигающимся у младшего соплям. – Ты же меня под тюрьму подвел! Вот и искупляй вину сам, добровольно. Трудом и женитьбой.

Младший поохал, поахал, поплакал, но послушался. «Знать за цветок надо расплачиваться». А братья переругались между собой в пух и прах, вечно, мол, младшее дурачье в любимчиках у мамаш ходят и сливки собирают, плюнули и домой подарки распаковывать уехали.

Нацепила вдова сыну на палец кольцо, сказала слова напутственные, поцеловала, перекрестила в спину и вытолкала. Авось, выкрутится.

Прибыл наш красавец во Дворец и удивился его великолепию. И опять с ним та же самая история происходит. Везде где он не ходит, не гуляет, нет ни единой души, только звери, птицы и прислуга немая, которая на вопросы не отвечает, а лишь улыбается. Прогулялся он по диковинному саду, осмотрел фонтаны, лужайки, лестницы, убранства и нашел пригорок, на котором подрастали цветочки. Принес он свою увядающую радиолу и посадил обратно. И прислушался, не прогремит ли обратно гром, о котором мать сказывала. Не заревет ли странная раздраженная хозяйка при этом диким кабаном. Но было тихо. «Видно, госпожа чудище морское на меня не гневается, и будет ко мне милостива», - подумал он, дрожа весь внутри.

С утра ему всегда готовы наряды новые, богатые и убранства такие, что цены им нет, ни в сказке сказать, ни на клавиатуре не описать; всякий день угощенья, веселья новые, отменные: ночные клубы, лучшие французские кабаре и бордели, катанья с музыкой на Lamborghini, шоу, показы, дорогие Аркаши. Мало-помалу красавец развеялся, осваиваться начал в новой жизни.

Как-то под вечер вышел он прогуляться по свежему воздуху, возвращается обратно, а из-за колонны выходит в полу-неглиже какая-то томного вида, измученная нарзаном, хорошо пожившая барышня. «Значит, мать не обманула», - подумал он. Барышня и вправду издали показалось очень стара, со странными ужимками и эротическими фантазиями, по всему видать, в глуши развязными и никем неудовлетворенными. Прячась за колоннами, она, воровато озираясь, наблюдала за ним и любовалась тем, как он хорош. Впервые в жизни она влюбилась без оглядки.

Не успел юноша в себя придти от потрясения, как старуха исчезла. Прошел день, но она больше не появлялась и все успокоилось. Ел, пил, спал, гулял, смотрел фильмы, тискал наложниц. Вечером, спустя месяц, отбил братьям письмо по электронной почте: «Не плачьте обо мне, не горюйте, я живу во дворце у чучела морского, у чудища лесного, как королевич; ее не вижу и не слышу, только под вечер раз выползла она откуда-то полуголая, прячась за колоннами и просила едва слышно называть ее моей рабой, а потом исчезла».

Стал он потихоньку наличные откладывать и в Москву посылать вместе с подарками. Родственники тут же откликнулись. Они думали, что он совсем уже сгинул, а раз такое дело, то снова здравствуйте! А пока суть да дело, к неумной роскоши наш парень привык и стал равнодушен, от нечего делать стал он самостоятельно проявлять интерес к чудаковатой даме. Как-то ночью не спалось ему, вышел он из дворца на улицу и крикнул: «Появись, чудище лесное! Хочу тебе кое-то сказать».

Вечером другого дня после прогулки опять он заметил ее за колоннами на этот раз в греческой тунике. Приблизился немного, чтобы рассмотреть поближе. «Ну да, выглядит приотвратно» - подумал. Отшатнулся, похолодел и хотел было свернуть в сторону, как она к нему обратилась еле слышным шепотом, как после концерта: «Доволен ли господин мой своими садами и палатами, угощеньем и прислугою?».

Младший сын подумал минуту и ответил: «Перестань ты передо мной стелиться. Некрасиво это для мадмуазель ни в какие годы, ни в юные, ни в преклонные. Не обижайся

на меня, но я бы хотел предложить тебе нормальное общение. Мне все равно какая ты или какой. У нас эдаким в Москве уже давно никого не удивишь. Зачем ходишь ты в таких одеждах, подчеркивающих наготу и возраст? Хоть это и твое дело, но имей в виду, что подобное могут принимать люди близкие, те, кто тебя хорошо знают, остальные же тебя не обязаны понимать, будут стебаться над тобой, обзывать и злить. Зачем тебе это? Не надо возбуждать ненужные никому страсти. И все эти обращения твои «раба», «господин», как-то странно сегодня звучат, напоминают садо-мазо кружок. По крайней мере, такими дешевыми способами, как фетиш и отклонения тоже никого уже не заинтересуешь. Если ты меня соблазнить пытаешься, тогда вообще не знаю, что тебе и сказать... В Москве, между прочим, даже нетрадиционный секс уже давно никому не интересен. Так что тема это сложная... Сегодня чтобы вызвать интерес парней вроде меня надо вообще с нами не видаться и не обращать на нас никакого абсолютно внимания, одеваться по жизни скромно, но не без изюминки и за дорого. А соблазнить шансов нет. Чего мы не видали?

-Не бойся, - отвечает чудаковатая дама, - ты почивать будешь один. Прислуга в твоём распоряжении, если что, - и опять исчезла.

И пошел молодой красивый гость в свою опочивальню, видит, стоит у кровати сеной юноша, верный и любимый, и стоит чуть от страха жив; обрадовался он ему, и целует ему руки белые, обнимает ноги резвые. Красавец улыбнулся во всю широту лица, так как тоже был ему рад, принялся расспрашивать о том о сем, так и проболтали на ломанном английском до белой зорьки. Но все опять о тряпках. А это уже порядком поднадоело.

Ну, думает, так и с ума сойти недолго, начнешь вообще человеческий облик терять. Стал он приглядываться к библиотеке. Со словарем кое-как прочел несколько книг Бальзака, Жорж Санд, Камю, Мериме, Мопассана, Гюго и напоследок в рукописи «Выбранные места из переписки с друзьями» Фредерика Бегбедера. Как-то вечером вышел он опять в альков и говорит в никуда:

-Ну, где ты, хозяйка? Заскучал я, выходи, пообщаемся. Расскажу про пикап и НЛП. Приносят ему записочку: «В саду стоит ноутбук, сядь, напиши: «Говори со мною, моя верная раба». Попереписываемся в аське».

-Опять ты за свое? – Сконфузился юноша. Плюнул и направился, было, в дом. – Не хочу я переписываться. Ну, какой смысл, сидючи в одном лесу? – Только и крикнул.

Услышал он к своему удивлению, как кто-то горько вздохнул, и раздался голос страшный, прокуренный, хриплый и сиплый, да и то звучал он еще вполголоса:

-Ты мой господин, и все, что тебе пожелается, все, что тебе на ум придет исполнять буду с охотой, - услышал он и мурашки помчались по коже.

Вздрыгнул красавец, обомлел, но хватило ему такта виду не показать. И оказалось, что не так глупа была старушка! Интересно с ней обо всем, о чем в голову не придет разговаривать. И открылся ему ее безгранично богатый внутренний мир, объемный и искренний, как старая энциклопедия. С той поры стали они видаться изредка в саду, на сей предмет. А «поговорить» для русского человека – большое дело. Только скажет он: "Здесь ли ты, моя добрая дама?". И она ему: «Наливай!» и дальше как обычно в своем стиле про рабу любви... Так и общались и не надоедало. А к голосу несусветно мерзкому он привык, как неизбежному злу. Все же мужчина не ушами в жизни промышляет.

Мало ли много времени прошло, про то не сказывают. Захотелось ему опять на нее взглянуть. Страх потихонечку отступил, а любопытство наоборот разбирать начало. Стал он к ней приставать: «Покажись». Поломалась она немного: «Не умоляй, все, что хочешь, только не это. Как увидишь облик, не выдержишь, остынет в жилах кровь - бросишься бежать, а я без тебя умру».

-Выдь, покажись, - говорил он ей снова и снова. – Какая бы ты ни была. Не стесняйся своего безобразия. Если старая ты, с мужским уклоном, борода, усы – будешь мне дедушка, если середовна – будешь тетушка, ну а коли молода, да безобразна – будешь с того момента сестра, да сердечная подруга.

Долго сопротивлялось чудовище, опасалось, боролось с собой, но не могло противостоять его настойчивым ласковым уговорам.

-Я покажусь, но если увижу, что не выдержишь испытания - сама убеги и уж больше не приду к тебе.

И вышло из-за павильона неизвестно что за страшилище, ураган. Обросшее, обрюзгшее, нестриженое, нечесаное, морщинистое, мятое-перемятое, в синяках, страшных язвах и гангренах, с обвислой кожей, с руками и ногами в струпьях, с гнилым вонючим ртом, косое и ко всему во французском нижнем кружевном белье и пеньюаре.

Чуть не схватился он руками, закрывая глаза, от такого безобразия, но опомнился. -

Первый есть? – Еле смог произнести он.

Она молчала, одергивая кружева.

-Ну, все звезды на первом!

-Не знаю о чем ты, - прошептало чудовище.

-Тогда тащите пиво.

-Пиво есть. А что без пива не тяну?

Выдержав накал страстей и подступающие рвотные позывы, вдовий сын крикнул слуг, заволокли ее в ванную комнату чуть ни силком. Вымыли, постригли грязные ногти, расчесали колтуны, вычистили, выскоблили, сделали депиляцию, надушили, облачили в махровый длинный халат. Стала она похожа на слегка посвежевшую алкоголичку.

-Вымой рот с мылом! – Умолял он ее. - Так ведь жить нельзя! Что же это такое? Ведь не на Ярославском же вокзале! – Стыдил он ее, дезинфицируя спиртом руки, не снимая респиратора.

-Нельзя мне, - шепчет она, - самой-то было мыться по предписанию, как ты тут появился. Вот и завшивела я совсем, запакостила. Этот обет наложил на меня один высокого сана духовный господин из Тибета. Но об этом потом как-нибудь поговорим, сейчас не время.

-Я тут с тобой вшей, понимаешь, травлю, а у самого матушка приболела, братья смс-ку прислали... Отпусти, смилуйся! Хоть на три денечка. Клятву даю вернуться. Привязался к тебе и сам. Ты же видишь. Общаемся на высшем уровне, как родные.

И залился молодец слезами в тоске по родной сторонке. Знает, что привязалось к нему его чудовище, не отпустит. Он уже ей в обязательном порядке книжки на ночь читает и ласково пятки чешет. Сам. Потому что только так она и спит, не чувствуя судорог. И стали у нее более-менее проходить отеки под глазами и чуть она даже прирумяниваться начала. Большое чувство зародилось в ее груди. Ночами она плакала от счастья, подкрадываясь к

кровати своего писаного красавца, закапывая ему постель крупными слезами в сорок карат.

-Знаю, что домой хочешь, - прорычала она как-то ночью, не открывая глаз. – Своих повидать. Тебе ведь не докажешь, что пустое, что мать продала тебя за понюшку табаку, а братьям вообще наплевать. Езжай. Себя утешь. Это ироды, им твои слезы – пустое. Что толку мучаться? Убедись сам в их хитростях.

И попросила слуг принести готовый билет на чартерный рейс «Париж/Руасси-Шарль-де-Голль – Москва/ Шереметьево» с открытой датой.

-Коли через трое суток час к часу добровольно не вернешься, помру. Лопнет сердечная жила. Мне цыганка нагадала. Так и сказала, если обманута будешь – лопнет в одночасье.

Вскочил наш красавец и давай плясать камаринского и цыганочку с выходом. Потратив n-ное количество денег с кредитной карты чудовища на новый костюм и подарки, молодой господин отъехал игегд со всеми разнообразными заверениями вернуться, счастливый такой невероятной возможности вырваться из шикарного заточения, удивляясь доверчивости ее и доброте. Вспоминая свои цветы, которые, должно, уже погибли.

Заявившись без предупреждения домой в костюмной группе La Boheme, он произвел настоящий фурор. Богатый, красивый, светлый, как господь Бог. Стильный, как Брынцалов. Братья, постоянно одевающиеся на «сале» невольно разинули рты от удивления и сердца их в который раз омылись коварной речушкой зависти. В своих старых домашних футболках с изображением Путина, они были трогательными, но далеко уже не модными.

Не ожидая такой скорой встречи, мать прослезилась:

-Думали, что уже живьем не свидимся.

На участке во флигеле, он и правда нашел новый гроб из редкого сорта африканского дерева окуме с кристаллами Swarovski.

Любезные братья от счастья потеряли аппетит. Шум, крики, объятия, экспрессия, целованье-милованье, долгие расспросы, музыка, как вопль загоняемого внутрь духа и высвобождения плоти. Узо, анис, пастис, кальвадос, арманьяк, шнапс, граппа, шартрез... Вечером младший музыкально блевал в свой засохший без внимания зимний сад, импрессивно провожая праздник возвращения и восторги от встречи.

Чудовище тоже пролежало сутки обездвижено холмом и даже не могло плакать. Оно тихо истекало слезами, совершив большую победу над собой – оно отпустило свою единственную любовь и спасение. Надежды таяли с каждым часом, но такова судьба, размышляло оно и еле дышало, вздымая костлявую спину.

-Обведем дуру мерзопакостную вокруг пальца как не фиг делать! – Вопил старший брат.

-Обведем, крысу помойную! - Торжествовал средний. - Ты смотри-ка, как он вырос! Сам на себя не похож! – подмигнул средний старшему.

-Куда делось все его убожество! Как же ты, молодец эдакой, умудрился влюбить ее в себя? Это полутело, полудушонку в непонятно каком обличье? Уж мать сказывала, что там за дикобраз ходит распальцованный. Как же ты столько времени прожил с ним и не изошел весь?

-Сперва боялся, все внутри обмирало, а там по привычке. Первый раз только страшно. Я не кинул и пальцем, сама влюбилась. Через три дня ежели не ворочусь – издохнет. Цыгане предсказали.

-Туда и дорога. Ты бы только, дурак, подписал прежде все бумаги на замок, что же тут-то у тебя ума не достало? – Посетовала мать.

-Да подписано все давно, - заверил ее младший. - Она сама и подписала. Мне, говорит, одной не владеть в радость этим добром, а вдвоем оно будет правильнее.

Утром младший проснулся, припомнил вчерашнее, и стало ему стыдно за поступки, а еще больше за слова.

-Ты как? - Спросил его старший брат.

-Я пазл. Ощущение такое, что двое суток беспрестанно в DozoR играл, знаки искал, с агентами встречался. А ведь мне в дорогу собираться. Если я чудовищу за все его добро и любовь горячую смертью лютою заплачу - не буду я стоить того, чтобы мне на белом свете жить. Тля буду, но надобно поспеть к исходному сроку обещанному... - прошептал он.

Мать, только вернувшись из Молла, услышала и обомлела. Всего чего хочешь она ожидала, но только не этого. «Гомосеки», - догадалась она. И тут же приказала братьям вязать ирода в смирительные рубашки, не дожидаясь, скорой психиатрической помощи, а часы во всем доме перевести на двенадцать часов назад и изображать вечер. Прележал младший сын всю ночь привязанный к кровати с кляпом во рту. Так он достал всех своей совестью, а на утро его развязали и надавали подзатыльников.

Случайно увидев на часах старшего брата верное время, да сопоставив с программой, идущей по телевизору среднего, он смекнул, что его провели.

Только засуетился он вновь собираться, как его тут самого неожиданно вытолкали в зашей из дому, предварительно заверив дарственную у вызванного на дом нотариуса, что все движимое и недвижимое имущество переходит теперь в их руки в порядке опеки над умалишенным.

-Я уехал греться, - только и успел крикнуть он. – И получил волшебный пинок под зад. Вбежал он, выскочив из такси на заветный луг, под «Песню Индийского гостя» в MP3-плеере, а тут небо нахмуренное, солнце затянуто черными тучами, свет померк и буйствует сильный ветер. Вырвал он из ушей наушники и закричал, что есть мо'чи: "Чу-у-удище мое-е! Что же ты мен-я-я не встречаешь?".

А в ответ тишина мертвая; ни птицы не свистят, ни фонтаны не шумят, ни собаки не бегают под музыку. Дрогнуло сердце мужское. Обежал он весь дворец - ни единой души. Только красный транспарант висит на фасаде и белой краской написано «DozoR».

Поплелся наш красавец в беседку, а она расписана под гжель. В этой беседке они раньше любили сживать. И тут увидел он ее. Она лежала с бокалом недопитого виски, с кроваво красным лаком на ногтях и помадой, с повторно сорванной радиолой за ухом, в цыганском костюме, лаптях и кокошнике, а неподалеку - мертвый медведь с лубком.

На негнущихся ногах подошел красавец к мертвому телу, дотронулся до ее костлявого плеча и понял, что потерял он навсегда одно единственное существо на свете, которому был небезразличен. Одна она его понимала, одному ему доверилась. И он заплакал. Внезапно самого его затрясло и случился с ним апоплексический удар.

Много ли времени, мало ли пролежал он без памяти, а только очнулся уже в палате

белокаменной, в сенсорной комнате. Рядом с ним сидят неземной красоты четыре молодые стильно одетые девушки, представительницы древнейших рас: негроидной, монголоидной, европеоидной и австралоидной. Все в очках без диоптрий для подтверждения интеллекта, наглаживают ему руки и тянут к нему губы: «Полюбил ты нас в образе чудовища безобразного за нашу душу, полюби же теперь красавиц писанных по-настоящему».

-Да что же такое случилось? – Удивляется вдовый сын.

-Этот обет наложил на нас один высокого сана духовный господин из Тибета для части обряда будущей инициации. Он сложил наш возраст, загримировал и привез в свой особняк. До тех пор бы мы являлись по очереди в этом жутком облики, пока какой-нибудь уникальный богатый внутренне господин не рассмотрел бы и нашу красоту.

Много тут у нас всяких молодцев побывало, но ни один не полюбил нас за нашу доброту, ласки, отзывчивость и преданность. Один хотел увезти гувернанткой к своим детям, другой удумал охотиться на нас в пейнтбол со товарищи, третий поволок к доктору Волковой омолаживаться, а четвертый вообще оказался геронтофилом и апотемнофилом ²⁰. Один ты смог полюбить всей душой. Будешь теперь нашим единственным мужчиной в самом крутом гареме мира. Все мужчины Земли будут тебе завидовать, а все женщины мечтать оказаться на нашем месте. Женится тебе на нас необязательно, детей мы тебе по твоему велению и хотению нарожаем, сами их вырастим, сами себя во всем обеспечим, красота наша до старости за наш счет будет нетронута, ни за что тебе не надо платить, только за себя и то редко, потому как и об этом не стоит тебе волноваться. Живи в свое удовольствие, делай что хочешь, бывай где угодно, спи с кем попало, нам все в радость, все за счастье. И даже врать нам необязательно.

Великая русская мечта, - сказала мама, - и

вытупила из-за спинки кровати, гордая за сына, которому наконец-то тоже повезло.

Вереницей мимо с поздравлениями прошли первые лица страны: политическая элита, деятели науки, культуры, искусств, высшая воинская знать, Дворянское общество. Награждали государственными премиями, медалями, грамотами, титулами. На ходу писали портреты, снимали для глянцевого журналов и ТВ. Как он не старался, а в рот ничего не попало.

-Посещение больных закончено, - сказал главврач. – Освободите, палату. - И захлопнул дверь с цифрой «6».

А как видения исчезли, выписался. И через несколько дней встретил за столиком в кафе самую обыкновенную девушку, никому не видимой красоты, и сразу же сделал ей предложение, пока она не пришла в себя.